

Василий АВЧЕНКО

КОСМОС ШУКШИНА

Чрезвычайно рад представить читателям «Невы» родившегося в Иркутской области и с детства живущего во Владивостоке НАСТОЯЩЕГО, а не монетизированного писателя ВАСИЛИЯ АВЧЕНКО, для которого Россия — МОЯ СТРАНА, а все не ЭТА.

Он, собственно, в моих представлениях особо не нуждается — и так знаменит. Книги его постоянно входят в лонг- и шорт-листы таких престижных премий, как «Большая книга», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер» и др., а почему он не становится победителем в этих «гонках по вертикальной стене» — тайна сия велика есть, и не моего ума дело. Уже первая его книга «Правый руль» стала бестселлером по ту сторону Уральского хребта, где перестроечное население разъезжало в основном на дешевых японских машинах с упомянутым рулем. Так и выжило понемногу, встало с колен и обратно на них бухаться не собирается, о чем и пишет Авченко. Он очень хороший и вдобавок умный, наблюдательный сочинитель нового поколения. Чтение его текстов обогащает душу, а отнюдь не забирает из нее то, что в ней еще сохранилось после всех передряг нашего времени, которое в России бурное вот уже лет сто, если не двести, кто бы ею не правил — царь, большевики, Троцкий, Сталин или какие другие начальники, по выражению Ахматовой и Гумилева, «пасущие народы». Из эссе Авченко, посвященного «космическим завихрениям» горячо любимого мною и им Василия Макаровича Шукшина, которое вы сейчас прочитаете, я, например, узнал, что настоящее название знаменитой книги ленинского конфидента Герберта Уэллса вовсе не «Россия во мгле», а совсем другое. Мелочь, а приятно... И как он точен в деталях! Как знает жизнь, умеет ее описывать! Приветствую и радуюсь.

Евгений ПОПОВ

Фантастики Василий Шукшин не писал. Центром его мира, его Макондо и Чегемом оставалась позднесоветская сибирская деревня. Героем выступал ее житель или человек, переехавший в город, но горожанином так и не ставший. Космических фильмов Шукшин, в отличие от своего столь же знаменитого однокурсника по ВГИКу Андрея Тарковского, не снимал, все пять лент Василия Макаровича, так или иначе, — о деревне. Тем удивительнее тот факт, что в творчестве Шукшина космос занимает неожиданно большое место.

Василий Авченко — журналист, прозаик. Родился в 1980 году в Иркутской области, живет во Владивостоке. Автор книг «Правый руль», «Кристалл в прозрачной оправе», «Дальний Восток: иероглиф пространства», «Красное небо» и других, биограф Александра Фадеева и Олега Куваева. Финалист «Большой книги» и «Национального бестселлера», лауреат премий «Дальний Восток» имени Владимира Арсеньева и «Чистая книга» имени Федора Абрамова.

Сказка, становящаяся былью

Уже в его рабочих записях 1961 года находим: «Сейчас Титов летает черт его знает где! А в народе говорят: „Как же теперь Гагарин?“ Титов мой земляк, оказывается».

Первый фильм Шукшина «Живет такой парень» (1964) основан на нескольких его же ранних рассказах, включая «Гриньку Малюгина» (1962). Именно оттуда в киноленту перекочевала космическая линия. Напомним, герой, сумев при пожаре сберечь народное добро, но сломав при этом ногу, попадает в больницу, где в шутку выдает себя за космонавта: «Меня же на Луну запускали». Этот несерьезный разговор в палате отражает «лунную гонку», разворачивавшуюся тогда между СССР и США:

— Долетел до половины, и горючего не хватило. Я прыгнул. И ногу вот сломал — неточно приземлился.

Первым очнулся человек с «самолетом».

— Вот это загнул! У меня ажник дыхание остановилось.

— Трепло! — сказал белобрысый разочарованно. — Я думал, правда.

— Завидки берут, да? — спросил Гринька и стал смотреть журналы. — Между прочим, состояние невесомости я перенес хорошо. Пульс нормальный всю дорогу.

— А как это ты на парашюте летел, если там воздуха нету? — спросил белобрысый.

— Затяжным.

В 1970 году, вскоре после двух первых высадок американцев на Луне, вышел в свет знаменитый рассказ Шукшина «Срезал». Его герой, недобрый мужик Глеб Капустин, рассуждает: «Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь? <...> Но нам тем не менее надо понять друг друга...» Тут же Капустин поднимает и вопрос происхождения Луны: «Как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума? <...> Вот высказано учеными предположение, что Луна лежит на искусственной орбите...» Пусть Капустин — демагог и манипулятор, но интересно, что ученые до сих пор не пришли к единому мнению о происхождении Луны. Сколько врачей, юристов и литературных критиков — столько и мнений, то же — с профессиональными и доморощенными селенологами.

Космодемагогическую линию Капустина продолжает Черт из повести-сказки «До третьих петухов»: «Ведь если мировые тела совершают свой круг по орбите, то они, строго говоря, не совсем его совершают...»

Понятно, что немалую роль сыграл исторический контекст. 1917, 1945, 1961 годы надолго определили судьбу не только России, но и всего мира. Шукшин не мог не размышлять об этом, тем более что в пору его становления как художника как раз и взлетали первые спутники, а вслед за ними — космонавты.

Еще незадолго до этого освоение космоса казалось фантастикой, причем ненаучной. Космосом бредили философы Федоров, Циолковский, Богданов — и многим их современникам казалось, что именно бредили. Мыслителей, говоривших о воскрешении умерших и заселении ими иных планет, считали безумцами или, по меньшей мере, «чудиками» наподобие шукшинских героев, среди которых есть, напомним, и избретатель вечного двигателя. Однако после 1917 года возник соблазн считать, что теперь-то нет ничего невозможного: если произошла социальная революция и рухнет старый мир, то почему человеку не овладеть космосом и бессмертием? Не случайно великий фантаст Герберт Уэллс в 1920 году поехал к Ленину, разглядев в молодом советском государстве, даром что пока лежащем «во мгле» (или «в тени» — в оригина-

ле книга Уэллса о революционной России называется «Russia in the Shadows»), на глазах воплощающуюся утопию. Вторым великим советским триумфом стал год 1945-й, третьим — годы 1957-й и 1961-й, когда на орбиту полетела сначала умная железяка, а за ней — человек. Фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды», вышедший в 1957 году, можно было спутать с реальностью. Казалось, человек дорос до того, чтобы замахнуться на законы мироздания и что-нибудь в них подправить.

Писатель Олег Куваев, родившийся пятью годами позже Шукшина, писал: «Беда нашего поколения в том, что мы детство, когда формируется характер, провели еще в патриархальной стране, и посему космический век, мать его по лопаткам, мне чужд... Воображения не будит, эмоций не вызывает. Я лучше в прошлом останусь, ибо природа... неистребима в нас, и сколько ни прыгай, все равно вернешься на травку». Шукшин на первый взгляд куда более патриархален, куда сильнее привязан душой к деревне и «травке», нежели гагаринский одногодок Куваев — геофизик и певец Чукотки (правда, и у того в поздних текстах появилась деревенская линия, если вообще можно назвать поздними произведения человека, прожившего всего 40 лет). Тем интереснее, что у Шукшина-то в отличие от Куваева космос как раз вызывал эмоции и будил воображение.

Как заарканить Луну и найти рай

Дело, думается, не только в том, что космос был «повесткой», а сам Шукшин — плюс-минус ровесником первых космонавтов. И даже не в том, что его судьба рифмуется сразу с ломоносовской и гагаринской (или, скорее, титовской, поскольку Герман Титов — тоже с Алтая): парень из сибирского села стал властителем дум, одной из важнейших фигур русской культуры XX века.

Обратим внимание: Шукшин не писал обо всем, что лично видел, знал и пережил. Его художественный мир — не прямое отражение его опыта, в свои книги и фильмы он впускал только то, что ему было там необходимо. К примеру, рассказы о детстве у Шукшина есть, рассказов о флотской службе и работе на заводах — нет. Совсем нет заграницы, где он в последние годы часто бывал, причем не только в «соцлагере»; мог ведь появиться рассказ о русском мужике в Париже — но не появился. Если Шукшин о чем-то писал, да еще из раза в раз, — это было результатом строгого сознательного отбора тем и слов. И коль скоро космос в рассказах «деревенского» автора занимает неожиданно большое место, появляясь со странной частотой, это заставляет, как минимум, задуматься. Шукшин с его обостренным вниманием к этой теме начинает казаться стихийным последователем русских философов-космистов.

Один из самых известных его рассказов так и называется: «Космос, нервная система и шмат сала» (1966). Герой, школьник Юрка, просвещает похмельного старика-скептика Наума Евстигнеевича:

- Про кого сейчас проходишь?
- Астрономию, — коротко и сухо отвечает Юрка, давая тем самым понять, что разговаривать не намерен.
- Это про што?
- Космос. Куда наши космонавты летают.
- Гагарин-то?
- Не один Гагарин... Много уж.
- А чего они туда летают? Зачем?
- Привет! — воскликнул Юрка и опять откинулся на спинку стула. — Ну, ты даешь. А что они, будут лучше на печке лежать?

— Што ты привязался с этой печкой? — обиделся старик. — Доживи до моих годов, тогда вякай.

— Я же не в обиду тебе говорю. Но спрашивать: зачем люди в космос летают? — это я тебе скажу...

— Ну и растолкуй. Для чего же тебя учат? Штоб ты на стариков злился?

— Ну во-первых: освоение космоса — это... надо. Придет время, люди сядут на Луну. А еще придет время — долетят до Венеры. А на Венере, может, тоже люди живут. Разве не интересно доглядеть на них?..

На Луну люди действительно «сели» уже через три года после написания рассказа, еще год спустя туда же благополучно долетел первый советский луноход. Но для нас сейчас важнее то, что шукшинский Юрка продвигает концепцию вполне в циолковско-федоровском духе.

Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал и начал ходить по избе.

— Мы же еще не знаем, сколько таких планет, похожих на Землю! А их, может, миллионы! И везде живут существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

— Жениться, што ли, друг на дружке будете?

— Я говорю — в смысле образования! Может, где-нибудь есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Может, у них все уже давно открыто, а мы только первые шаги делаем. Вот и получится тогда то самое царство божие, которое религия называет — рай.

Этот самый «рай» в представлении Юрки — не только видеотелефоны, которые нам уже давно не кажутся чудом, и собственные вертолеты, которые тоже в принципе доступны, пусть и считаным (очень состоятельным) людям. «Медицина будет такая, что люди будут до ста — ста двадцати лет жить», — говорит он старику, добавляя, что необходимыми ноу-хау с людьми любезно поделится соседи по Галактике. Согласно Юрке, человек, осваивая космос, строит «царство божие», оно же — «рай», фактически становясь соавтором Бога, сотворцом мира. А ведь Юрка — нормальный советский подросток, никакой не мракобес; напротив — человек нового поколения, стремящийся к просвещению. Тем не менее космическая отрасль для него — не только триумф науки и техники как таковых. Ожидая от инопланетян рецепта долголетия и помощи в построении рая, он выступает носителем религиозного по своей сути мировоззрения. Надо сказать, что и советское общество в целом атеистическим было только снаружи, официально. В глубине своей оно оставалось религиозным по духу, идеалистичным, опиралось на веру. Пусть этого прямо не проговаривалось, но всеобщая слава того же Юрия Гагарина имела явную религиозную «подкладку», о чем пишет его биограф Лев Данилкин в книге «Пассажир с детьми»...

Луна занимала героев Шукшина постоянно. Князев из «Штрихов к портрету» — самодеятельный философ и немного маньяк, пишущий никому не нужный труд о государстве, говорит: «А что было бы, если бы мы, как муравьи, несли максимум государству! Вы только вдумайтесь: никто не ворует, не пьет, не лодырничает — каждый на своем месте кладет свой кирпичик в это грандиозное здание... „Боже мой, — подумал я, — что же мы делаем! Ведь мы могли бы, например, асфальтировать весь земной шар! Прорыть метро до Владивостока! Построить лестницу до луны!“» Другой шукшинский герой — утомленный бюрократией мужик из «Выдуманных рассказов» — «склал» анекдот о том, что и на Луне от человека скоро потребуют справку с места жи-

тельства... Интересно сравнить с рабочими записями другого великого сибиряка — драматурга Александра Вампилова: «Луну можно выиграть по лотерейному билету... На нее нельзя больше вздыхать, нельзя ею любоваться. Ничего в ней больше нет прекрасного, таинственного». И еще, оттуда же: «Луна теперь обыкновенный уличный фонарь. На луне скоро откроют кабаки и развешат сушить портянки».

Иногда Шукшин писал стихи. Всерьез к ним, похоже, не относился (а может, даже стеснялся), но не раз вплавлял их в ткань своей прозы. Были среди них и такие:

...Я же знаю: мы хотели
Заарканить месяц.
Почему же он теперь,
Сволочь, светится?!

Сростки как предчувствие

Упомянутый Циолковский, очевидно, был для Шукшина фигурой очень важной. В 1947—1948 годах юный Василий Макарович, еще до призыва на флот и до ВГИКа, работал в Калуге на турбинном заводе. Наверняка бывал в доме-музее Циолковского, которого не раз потом упоминал.

В публицистическом «Монолог на лестнице» Шукшин, выступая за высокую, настоящую городскую культуру в противовес «мещанскому приобретательству», замечает: город — это ведь и Пушкин, и Толстой, и Чехов... И неожиданно продолжает: «Город — это и тихий домик Циолковского».

Из повести «Там, вдали...»:

- Ты кого больше всех любишь из ученого мира?
- Коперника, — первое, что пришло в голову, сказал Юрий (снова Юрий; не отсылка ли к Гагарину? — В. А.)...
- А я — Циолковского. Я видела в Калуге его домик... Здорово это — почти всю жизнь прожить непризнанным. Только под конец, когда уже ничего не нужно... А?
- Это — подвижники, — согласился Юрий... — Это — чисто российское явление.

Из совершенно постмодернистской повести-сказки Шукшина «Точка зрения»:

- Когда я еще была маленькой, — заговорила Невеста, — дядя Семен водил меня в планетарий, показывал на Луну и говорил: «Учтите, вы там будете». И плакал.
- Он у нас, как Циолковский, — вставил Отец Невесты. — Тоже, кстати, все чертит чего-то.

Циолковский говорил: Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. Вот и Шукшин смолоду знал, что ему нужно вырваться из своей сибирской колыбели. В Бийск, в Калугу, во Владимир, а лучше всего — в Москву, потому что в родных алтайских Сростках нет ни ВГИКа, ни киностудии. Он покинул село, как лосось-сима покидает реку, — иначе не вырасти в полноценную рыбину, иначе останешься мелкой пеструшкой. Но погуляв на океанском просторе, лосось возвращается в родную реку, чтобы оставить потомство и умереть. Так и Шукшин всю жизнь вспоминал Катунь, в последние годы думал о возвращении в Сростки, но вернуться не смог или не успел. Не вышло и у Егора Прокудина из «Калины красной» — пытаюсь вернуться к крестьянской жизни, он погибает...

Держа в памяти все эти космические линии творчества Шукшина, уже иначе воспринимаешь даже его случайные, казалось бы, фразы. Рассуждая о кино, он мог, например, заметить: мы же не о марсианах снимаем — о людях. Вроде бы сказано мимоходом, впроброс. Но очень похоже, что космос едва ли не постоянно занимал мысли Шукшина.

Узнав, что из Бийска можно наблюдать, как от ракет, запускаемых с Байконура, отделяются ступени, я уже не очень удивился. Бийск — город для Шукшина особый. Он ближе других к Сросткам, это первый город, который увидел Шукшин. Однажды он рассказывал в интервью, что именно с Бийска начал знакомство с «большой жизнью», что это было «первое открытие мира», и даже назвал себя бийчанином. Здесь он учился, пусть недолго, в автомобильном техникуме. И на малую родину ездил потом именно через Бийск, а не через Барнаул. Последний шукшинским городом не назовешь, не говоря о том, что в Барнауле расстреляли его отца. Вот и в фильме «Печкилавочки» увековечен именно Бийск...

Полеты космических ракет, конечно, Шукшин в Бийске наблюдал едва ли: когда Байконур вводили в строй, он уже учился в Москве. Зато ему довелось увидеть нечто космическое и загадочное в других широтах — у Василия Белова на Вологодчине. Шукшин осенью 1964 года ездил к нему в Тимонику, а позже писал Белову: «И все-таки: помнишь ту ночь с туманом? Вася, все-таки это был не спутник, слишком уж кувыркался. А внизу светилось только одно окно — в тумане, мгле. Меня тогда подмывало сказать: „Вот там родился русский писатель“». Белов позже так вспоминал тот случай: «В ночи с севера на юг бесшумно летело какое-то яркое небесное тело. Мы приняли его за метеорит, но оно летело какими-то странными зигзагами, оно как бы кувыркалось в ночной мгле...» Шукшина зрелище явно заворожило, раз он вспомнил о нем в письме три года спустя. В его словах слышится отсылка к библейскому сюжету о Вифлеемской звезде и рождении Спасителя...

Как и в душу человеческую, Шукшин всматривался в бездонное безмолвное небо. Свет даже погасших звезд, говорят ученые, еще долго идет к людям. Вот и космос Шукшина по-прежнему шлет нам свои загадочные и волнующие сигналы.